

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 42

(2256)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Г. Малинецкого «Когда мы не имеем идеологии, то, выигрывая войну, проигрываем мир», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 28 апреля 2023 г. URL: https://zavtra.ru/blogs/kogda_mi_ne_imeem_ideologii_to_viiigrivaya_vojnu_proigrivaem_mir

Вологда
май 2023

Когда мы не имеем идеологии, то, выигрывая войну, проигрываем мир

В интервью «Бизнес Online» – слышит ли власть ученых, как и почему следует перестраивать отечественную экономику и нужен ли нам поворот на Восток – Георгий Малинецкий.

– Георгий Геннадиевич, летом прошлого года вы подготовили большой фундаментальный доклад «Стратегическая стабильность и спецоперация России на Украине» с конкретными предложениями на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Прошло полгода. Какова на данный момент судьба доклада? Что-то из него уже делается?

– Я постарался этот доклад максимально широко представить в Академии военных наук, в разных частях он был опубликован в «Научном вестнике оборонно-промышленного комплекса России». Кроме того, на конференции «Проблемы управления безопасностью сложных систем» в Институте проблем управления он тоже подробно изложен. То есть я постарался, чтобы он стал максимально широко известен. Более того, по тем или иным каналам, насколько я знаю, высокому руководству на государственном уровне он тоже был представлен.

Что же касается его судьбы и того, что следовало бы делать, давайте посмотрим и сравним, что происходит в рамках специальной военной операции (СВО) и то, что происходило во время Великой Отечественной войны. Тогда был выдвинут очень важный лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Это мобилизация экономики, совершенно другой информационный фон, огромная активизация инновационных разработок, потому что, когда начинается военный конфликт, научные исследования ускоряются, то, что делали за несколько лет, делается в течение месяцев.

К сожалению, могу сказать следующее. Давайте посмотрим, например, на наше телевидение. Есть очень сильные видео, песни, материалы из Донецка и Луганска. Почему их нет на первых каналах?! Непонятно. Почему мы делаем вид, что где-то там люди воюют, а все остальное не изменилось? Но ведь решается судьба страны, нашего этноса.

Возьмем другой пример – учебный комплекс. Начали практиковать уроки «Разговор о важном». Я поражаюсь, но на них ничего не говорится о том, что у нас идет СВО. Там есть и биография Константина Циолковского, говорится и о том, для чего нужны отцы, и о том, что нужно уважать пожилых людей, дается биография Сергея Михалкова и так далее. Наверное, все это важно, но, в сравнении с тем, что происходит в стране, это поразительно. По сути, изменить существенно информационную и учебную повестку не удалось.

Идем дальше. Есть очень много интересных, талантливых, ярких разработок и предложений. Куда с ними обратиться?! Казалось бы, наш оборонно-промышленный комплекс должен в первую очередь быть заинтересован в этом. Но нет. К сожалению, ничего не изменилось к лучшему. Мы опять находимся в лапах бухгалтерии. В начале денег еще нет, потом денег уже нет и так далее. Значительная часть нашей бухгалтерии и бюрократии не проснулась и не осознала, что Россия ведет очень серьезную операцию.

Наконец, давайте посмотрим на нашу экономику. Совершенно очевидно, что нам нужен национальный комитет обороны или госкомитет по обороне, который располагал бы всей полнотой военной, экономической и политической власти. Мы смотрим на наш бюджет и видим, что в этой очень сложной ситуации экономикой по-прежнему руководят «птенцы гнезда Гайдара». То есть вместо мобилизации, вместо того чтобы вложить громадные усилия в то, чтобы система работала на оборону, мы пытаемся продолжать работать теми инструментами, которые хороши, когда нет таких серьезных потрясений. Более того, это закладывалось в Госдуме. В Думе много всего говорилось, но мы имеем дело с имитацией.

– Четыре года назад, в феврале 2019 года, Владислав Сурков опубликовал в «Независимой газете» статью под названием «Долгое государство Путина», где, в частности, писал, что в каждую из описанных им в статье четырех эпох приходили люди «длинной воли» и создавали «большие политические машины», которые, «сменяя друг друга, ремонтируясь и адаптируясь на ходу, век за веком обеспечивали русскому миру упорное движение вверх». Сейчас Россия проходит период испытания на прочность в противостоянии с коллективным Западом. Где эти люди «длинной воли»? Как они проявляют себя в критический момент?

– Когда стране становится трудно, она обращается к своей истории. Сурков говорит о людях «длинной воли» и четырех эпохах, Александр Андреевич Проханов толкует о пяти империях, пятую он опять же связывает с Путиным и так далее. Это стремление опираться на те победы, которые были у нашего государства, и на те успехи, когда удавалось объединить людей и решить крупные исторические задачи. На мой взгляд, сейчас ситуация очень сложная. Совершенно очевидно: для того чтобы была построена та самая большая политическая машина, необходима идеология. Что понимается под идеологией? Синтез долгосрочного научного прогноза и образ желаемого будущего, то есть куда мы хотим прийти. Римский писатель Сенека говорил: *«Для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра»*. Давайте вспомним формулировку Владимира Ленина: *«Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»*. В массе случаев абсолютно четкое понимание ситуации и формулирование задач Иосифом Сталиным. Я напому его классическую фразу: «Без теории нам смерть, смерть, смерть». Это он, кстати, говорил незадолго до своей кончины, то есть был определен курс, на что должна работать политическая машина. Исходя из того, какой курс реализуется, естественно, подбираются люди. Для того чтобы возникли люди сильной воли, нужны масштабные задачи. Я бы сказал так: задачи делают людей. Давайте вспомним сталинских наркомов. Например, Дмитрий Федорович Устинов стал министром оборонной промышленности в 34 года. Человек поднял завод, и ему решили дать шанс, поднять планку задач, возможно, он и здесь сумеет. Вспомним Алексея Косыгина, Андрея Громыко. Это выдающиеся люди, которые решали конкретные задачи исходя из той идеологии, которая была.

В чем наша проблема? К сожалению, у нас, в России, когда мы не имеем идеологии, то, выигрывая войну, проигрываем мир. Чего мы хотим добиться? Какую ситуацию через 20, 30, 50 лет мы будем считать нормальной? Куда мы хотим прийти? Спрашивается: определяют ли это в других странах? Да, определяют. Свой порт назначения определяют Китай, Япония, Южная Корея, Соединенные Штаты и другие. Они мыслят вдолгую и формулируют это. Если мы посмотрим на заявления наших официальных лиц, то днем с огнем не сыщешь фраз «Россия в 2030 году», «Россия в 2040 году». Где они? Поэтому получается ситуация неопределенности. Трудно машине работать, если вы не знаете курса. Поэтому, на мой взгляд, перед РФ объективно сейчас стоят очень серьезные, жесткие задачи. Так или иначе придется формулировать, что страна хочет принести граду и миру. Идеология так или иначе появится. Но, конечно, то, что сейчас ее нет, очень многое затрудняет. В 2000-м вышла книга Андрея Петровича Паршева, из которой следовало, что у нас очень низкая норма прибавочного продукта, очень холодная страна, никаких значимых западных инвестиций не будет. Так и есть. Зачем же нам имитировать Запад?! Я понимаю, может, у нас царили тяжелые времена и мы не могли многого сказать ясно, честно и прямо. Но сейчас это неуместно. Поэтому первая проблема, которая мешает сформировать и эффективно работать большой машине, которую можно было бы сравнивать с империями, другими подобными образами, – это отсутствие четкого понимания, куда мы хотим прийти.

Вторая вещь тоже очень грустная. Люди важны, правда? У нас в государстве ключевые решения принимают 80 человек. Это должны быть серьезные и ответственные люди, компетентные в своих областях. Один из государей России, когда его спросили, чем должен заниматься царь, ответил: *«Царь должен подавать личный пример служения Отечеству и иметь 5–7 человек, которым можно доверить ключевые сферы жизнедеятельности»*. Оглянемся: а есть эти 5–7 человек возле Владимира Путина? Много вопросов возникает. Государственный аппарат формировался во время либеральной чумы, когда предполагалось, что мы будем неким псевдо-Западом. Эти люди выросли, вокруг них образовались кланы, ученики, последователи и так далее. На этой основе возник огромный государственный аппарат. Он неэффективен.

– Почему?

– Давайте объективно смотреть. Когда Владимиру Владимировичу на прямую линию приходит 2 миллиона обращений, среди которых есть, например, просьбы починить водопровод, становится понятно, что огромная государственная структура работает недостаточно эффективно. Поэтому получается очень забавная ситуация. У нас есть наши небожители, которые прекрасно понимают, что в случае значимого поражения в военном конфликте им головы не сносить. А есть основная часть народа, которая полагает, что под немцами жили плохо, а если Россия, не дай бог, потерпит поражение, то под американцами, литовцами, поляками будет еще хуже. Они тоже этого не хотят. Но между этими людьми есть челядь или госаппарат, и вот он-то как раз блокирует обратную связь. Обратной связи нет, ее не хватает.

– **И что делать?**

– Есть три варианта. Вариант первый – революция, это огромная, очень затратная социальная технология с жертвами. Давайте вспомним нашу историю. Что у нас было с революцией 1917 года и контрреволюцией 1991 года? Это огромный провал на десятилетия вперед. Есть шанс, что Россия больше такого провала не выдержит.

Второй вариант – эволюция. Это когда как бы ничего не происходит, но есть медленные изменения. Сейчас страна ведет спецоперацию, поэтому ни о каких медленных изменениях речи не может идти. Многие вещи надо сделать сейчас. Снаряды фронту нужны немедленно, а не завтра, не послезавтра, не через год. Поэтому эволюция тоже не очень хороший вариант.

Я вижу третий вариант – так называемый квантовый переход. Мы видим и понимаем, какой человек и что сделал, справился ли он со своим заданием. И если нет, то заменяем его на другого. Обратил бы внимание на следующее: в сталинские времена, когда страна вела войну, происходила масса кадровых перемещений генералов, командующих фронтами, армиями. В этом была своя логика. Одни генералы умеют грамотно и с минимальными потерями отступить, а другие – столь же талантливо наступать. Это разные генералы. Поэтому подбирались наиболее талантливые люди для того, чтобы решить конкретные задачи на данный момент.

Аналогичным образом нужно поступать и сейчас. Исходя из задач, которые стоят перед Россией, и конкретных дел тех или иных людей, нужно их заменять. Тем более при доверии Владимиру Владимировичу в 79 процентов люди просто ждут и надеются на это. Вдумайтесь, как может быть начальником Сбербанка Герман Греф, который толкует о том, что учителя в школе не нужны, что нужно всех заменить компьютерами? Одно и другое – вещи несовместные. На мой взгляд, мы имеем дело с кадровым кризисом. Я бы назвал это кадровой катастрофой. Людей, которые должны быстро и эффективно решать важные и ответственные задачи, нет, или их просто не выдвигают на эти места. У нас, к сожалению, действует дворовый принцип «своих не бросаем». Но в нынешней ситуации о человеке надо судить по его делам. В общем, нам нужен порт назначения и команда, которая может наш корабль туда привести. Стратегия «хороший царь – плохие бояре» – проигрышная, потому что если царь хороший, то почему бояре плохие? А если бояре плохие, что же у нас с царем тогда?

– **Как раз об этом вы очень хорошо пишете в своей статье для «Изборского клуба», которая называется «Расчет и чудо»: «Народом и элитами не сформирован образ желаемого будущего». Об этом много говорили все предшествующие годы, а один известный социолог даже сделал такой подсчет: «В результате крушения социализма и рыночных реформ хорошо поднялись и фактически приватизировали страну примерно 5 процентов населения. Они живут фактически при коммунизме, у них своя стратегия, направленная на личный и семейный успех. Еще примерно 20 процентов населения обслуживают интересы суперэлиты, и их стратегия заключается в том, чтобы ничего особо не менялось. Остальные 75 процентов с разной степенью удачливости просто выживают. Им не до стратегий».** Согласны ли вы с такой оценкой? Если да, то как можно выработать общую стратегию при таком раскладе?

– Передо мной – как раз журнал «Эксперт», который показывает, как народ России оценивает действующее правительство. Правительство Михаила Мишустина в течение трех лет руководило страной, выполняло некие задачи. Население поставило блестящие оценки: более 60 процентов говорят, что все отлично, а несколько десятков процентов говорят, что приятно удивлены тем, что было. Люди обращают внимание на совершенствование инфраструктуры, поддержку ветеранов, на то, что 7,6 триллиона рублей было затрачено на то, чтобы в той или иной степени поднять благосостояние народа России. Мы имеем дело с очень интересным феноменом.

Есть тактика и стратегия. Карл фон Клаузевиц, прусский офицер, служивший в течение нескольких лет в российской армии, определил следующим образом: тактика – это искусство выигрывать отдельный бой, стратегия – это искусство выигрывать войну. Так вот, то, что касается тактики, сегодняшних, завтрашних, послезавтрашних дел, с этим, видимо, все хорошо. По крайней мере большинство людей полагают, что тактика у нас хорошая. Спрашивается: в чем же дело, почему люди недовольны? Потому что при хорошей тактике со стратегией беда. Люди задаются вопросом: как жить будем дальше? Мне задают вопрос мои студенты: как же так получилось, что мы воюем сейчас советским оружием?! То есть 30 лет вложений в оборонный комплекс не привели к тому, что у нас появилось оружие, которое оказалось бы

на несколько голов выше, чем оружие НАТО, которое поставляют Украине. В 1991 году численность нашей армии была около трех миллионов человек. Потом сокращали, толковали о контрактах, в итоге остался миллион человек, а потом всплеснули руками: «Как же так, мы не можем противостоять НАТО с такой армией!»

Более того, когда идут военные действия, возникает масса стратегических вопросов. Например, очень важный вопрос, который мне сейчас задают украинцы: «Хорошо, вы победили, и что дальше? Как мы жить будем? Вы хотите наших олигархов заменить на ваших? Чем они лучше?» Что нам с вами им ответить? Поэтому мне кажется, что сейчас важно определить стратегию.

Далее. Вы процитировали социолога. Он очень хорош для мирного времени, а для военного плох. Давайте посмотрим. У пяти процентов опрошенных есть деньги. Заработали или украли – неважно. А дальше будет ровно то, что произошло с Остапом Бендером на румынской границе: отнимут все, может быть, останется золотой теленок. А возможно, и нет. Мы видим, что все попытки наших нуворишей стать на Западе своими, тщетны. У них там отнимают деньги, яхты, недвижимость.

20 процентов, которые хотят, чтобы ничего не менялось, тоже интересны. Порядка миллиона людей, когда была объявлена частичная мобилизация, вдруг резко захотели посетить Казахстан, Грузию и Армению. Сейчас они возвращаются и говорят, к примеру: «Так по-свински, как к нам относились в Казахстане, даже вообразить было трудно». Очень недоброжелательное отношение. Мы для них чужие. Еще Александр Вертинский пел: *«Здесь живут чужие господа, здесь чужие радость и беда. Здесь же мы чужие навсегда»*. Навсегда! Это очень важный момент. Приезжают люди из Армении и жалуются: «Мы-то думали, это в России связи, а оказалось, что там без связей сделать вообще ничего нельзя!» Приезжают люди из Грузии и тоже говорят: «А что же вы нам ничего не сказали? Оказывается, Грузия по отношению к нам не собирается соблюдать тех законов, которые там записаны». А грузины абсолютно правы, поскольку говорят: «Если вы приехали ненадолго, зачем же мы для вас будем что-то делать?» Поэтому у пяти процентов не хватает воображения, чтобы понять, что они потеряют все, а 20 процентам постепенно становится понятно, что, кроме как остаться в России, у них нет никаких вариантов. Поэтому, как мне сказал один филолог: то, что написано в тексте, – это 10 процентов смысла, а 90 процентов мы приносим сами. Поэтому я бы сказал, что люди – это 10 процентов, а 90 процентов – это страна. То, что решается судьба страны, я думаю, до всех постепенно доходит. В разной степени, но до всех. Поэтому именно сейчас нужно определять стратегию, закладывать основы будущей России.

– В прошлом интервью нашему изданию в 2020 году Вы говорили: *«Существует очень серьезный барьер между экспертами и управленческой вертикалью»*. То есть ваши научные разработки и научно-практические исследования, прогнозы, игровые модели и прочее управленцами на всех уровнях либо игнорировались, либо они, мягко говоря, не очень активно руководствовались ими в принятии решений. Сейчас что-то изменилось в этом плане? К вам кто-то обращается?

– Нет, ничего подобного. Не только ко мне, но это общая, типичная, ситуация. У нас достаточно много квалифицированных людей в Российской академии наук, но она сейчас лишена научных институтов. То есть она сейчас не может вести исследования. Более того, по закону 2014 года не является научной организацией. Академии наук нельзя вести исследования! Это нарушение того закона, который принят. Получается, это либо голова профессора Доуэля, либо Руслан и голова брата Черномора – вроде богатырская, но без рук и без ног. Для того чтобы этих людей хоть чем-то занять, им сказали, что они будут заниматься экспертизой всего – и открытого, и закрытого. А потом добавили: «Извините, ребята, денег на вашу академическую экспертизу нет вообще».

Академия никак не включена в контур государственного управления. Что это значит? Я, скажем, решил вас проинспектировать, но если вам не понравились результаты моей экспертной оценки, то вы их выкинули в урну. А если понравились, то помахали перед своими близкими, мол, меня еще и академия одобряет. Потом выяснилось, что из плана экспертизы убрали Московский университет, Ленинградский университет, силовые ведомства и таких корифеев, как Высшая школа экономики. В общем, все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Но самое главное в том, что надо от имитации перейти к подлинности. Село взято или нет, танк подбит или нет, люди живы или нет – вот подлинность во время военных действий. А у нас во всем присутствует огромная доля фальши. Например, какая программа у правящей партии? Что люди сделать должны? Нет ответа. Что должна сделать «Справедливая Россия»? Не делать, а сделать! Каких целей достичь

и когда? Нет ответа. КПРФ: а коммунистическая ли она? При советской власти численность КПСС была 18 миллионов человек, с членами семей – 50 миллионов человек! Казалось бы, если они убеждены в коммунистической идее, то будут ее отстаивать, а выяснилось, что это все имитация. Здесь та же самая ситуация. Мы что-то говорим, это публикуют, но дальше никуда не идет. Поэтому мы имеем дело с очень сложной имитацией.

Идем дальше. Мы избрали президента. Естественно, его поручения, указания должны исполняться, правда? Президент не один раз говорил: для того чтобы было единое понимание происходящего, давайте, дорогие ученые, сделаем один учебник истории XX века. Осветим в нем все то, что произошло, и как мы оцениваем эти события, потому что на самом деле учебник – это вещь политическая, а не только научная. Но до сих пор ничего не сделано. Сейчас мы преподаем историю по огромному количеству самых разных учебников. В некоторых из них написано, что Америка выиграла Вторую мировую войну при некоей помощи Советского Союза. Фантастическая ситуация!

Поэтому, на мой взгляд, именно сейчас, когда страна ведет военные действия, должно быть очень четкое понимание, где имитация, а где истина. Имитация мешает нам жить, побеждать, она лишает наших детей и внуков будущего.

Более того, я обратил бы внимание на то, что президент 1 марта 2018 года в послании Федеральному Собранию четко сказал, что основной враг России – это отсталость. Наступает новая технологическая волна, и тех, кто сумеет ее оседлать, она вынесет вперед, а остальных просто утопит. Так вот, имитация топит нас. Если мы полагаем, что наш основной враг – отсталость, то должна быть подлинность.

– **Недавно аналитики рейтингового агентства «Эксперт РА» написали: «В настоящее время российская экономика продолжает адаптироваться к шокам и одновременно подстраивается под замедление мировой экономики и турбулентности на мировых рынках». Структурная трансформация продолжится и в 2023 году. Получается, что мы продолжаем лишь реагировать, мы вторичны по отношению к вызовам извне. А сами ничего не генерируем, не создаем, не перестраиваем, ничего нового не собираемся делать?**

– К сожалению, это типичный взгляд значительной части наших чиновников. Мы были под Западом, теперь будем под Востоком. Ничего особенного, мы туда деньги, оттуда – товары. На мой взгляд, это как раз связано с той имитацией, о которой мы говорили. Страна участвует в военном конфликте, и, естественно, есть масса вещей, которые ей необходимы. В этой ситуации под что-то подстраиваться, адаптироваться невозможно. Более того, о том, что страна, которая продает только сырье, не может выигрывать войны, писал еще Адам Смит. Отсюда следует простая истина: все, что необходимо для войны, мы должны делать сами. Удивительно, но до значительной части наших чиновников это не доходит. Президент говорит, что мы цивилизация, а она должна иметь самодостаточную экономику, то есть способна себя кормить, лечить, обогревать, учить, иметь науку, инженерные школы, способные создать то, что может защитить цивилизацию. На поле боя сразу видно, что позволяет ее защитить, а что – нет. Очень грустно признавать, но очень многое из того, что сейчас нужно для фронта, у нас не производится. Поэтому либо мы какие-то вещи срочно делаем, либо придумываем. А то, что мы должны под кого-то подстроиться, – это порочная мысль. Более того, самое грустное – в том, что спецоперация и ее достижения не убеждают в обратном. Давайте вспомним интервью Леха Валенсы. Ведь что у Запада на уме, то у него на языке. По его словам, на Западе хотят, чтобы часть народов, которые составляют РФ, самоопределились, а сама Россия должна быть в 50 миллионов человек. При этом Анналена Бербок сказала, что они ведут войну с Россией. В этой ситуации кощунственна даже сама мысль, что мы должны под кого-то подстраиваться. Сейчас речь о том, будем ли мы жить. Поэтому высказывания о необходимости подстраиваться и приспособливаться – это отрывок старого. Мне казалось, что это прекратится очень быстро. Но это не происходит, и от этого очень грустно.

– **Россия сейчас не просто решает задачу по импортозамещению, она создает промышленность будущего, заявил главный экономист ВЭБ.РФ Андрей Клепач. Что такое промышленность будущего? Кто именно, где и как ее создает? Есть ли конкретные примеры этого творчества?**

– Я с большой симпатией отношусь к Андрею Клепачу. Он действительно огромный оптимист. У него несколько лет назад вышла книга «Русское чудо», в которой он рассказывал, что у нас громадные перспективы. Но представьте ситуацию, когда бегут двое человек, из которых один – в мешке. В итоге даже если тот, что без мешка, не очень хорошо бежит, но он все равно обгонит второго.

Берем промышленность. Поскольку система не выстроена, то фактически все ныне достигнутое – плоды ручного управления, когда Ивану Ивановичу дать, Петру Петровичу не давать, Сидору Сидоровича поддержать и так далее. Но теперь очевидно, что такой подход на уровне первых-вторых лиц не позволяет вырастить систему, а лишь решить локальные задачи. Это как в ситуации с лесными пожарами – мы их тушим вместо того, чтобы позаботиться о том, чтобы их не было.

– **Что делать для того, чтобы наша экономика заработала?**

– Надо отменить налог на добавленную стоимость. Что бы вы ни купили – буханку хлеба или участок земли в десять гектаров, – это сразу отразится в движении капитала, и с него будет удержан соответствующий налог. Чем это хорошо? Во-первых, налоги собираются постоянно. Во-вторых, огромная часть теневой экономики сразу становится прозрачной. Люди же все время что-то покупают.

Следующий момент. Мы снимаем с повестки так раздражающий многих вопрос о прогрессивной шкале налогов. Да, возможно, есть богатый человек, но он живет скромно, не делает безумно дорогих покупок и вполне может платить немного. Поэтому здесь масса плюсов. О том, что это надо сделать, свидетельствуют выводы нескольких исследовательских групп. Это просчитано на основе массы математических моделей. Есть в конце концов зарубежный опыт. Но опять ничего не происходит! Мы опять живем в этом странном мире, где с одной стороны – предпринимательство, а с другой его нет, поскольку он не может существовать при таких налогах. Более того, из банков 20 крупнейших стран только наш Сбербанк не имеет в качестве обязанности обеспечение развития экономики. Он и не обеспечивает. Для того чтобы оживлялась экономика, высокотехнологичные отрасли, проценты по кредиту должны быть 3–4 процента годовых. Соответственно, в обрабатывающей промышленности – 10-12 процентов. Но вы же сейчас не найдете ничего подобного. Вместо этого вы каким-то образом получили доступ к первым лицам и одобрение, то есть вместо системы имеем дело с бюрократическим самодурством и бюрократической вертикалью. Естественно, это идет в огромный минус, потому что вместо экономической системы получается клановая. Мы имеем дело с реальностью, в которой экономика оказывается далеко не на первом месте.

– **Что тогда делать?**

– На мой взгляд, если бы у нас был госкомитет по обороне или национальный комитет обороны, все давно бы сделали жестким силовым образом.

Давайте посмотрим дальше. Весь Запад сейчас не производит такого количества боеприпасов и военной техники, которые нужны Украине. Что это значит? То, что значительная часть экономики должна быть переведена на военные рельсы. Я бы прежде всего сосредоточился на этом, а не на разговорах о новой экономике и прочих вещах. Если мы победим, то это будет один разговор, если нет – совсем другой. А я считаю, что мы можем и должны победить. Поэтому, на мой взгляд, когда по многим видам продукции нужно увеличить выпуск не в 2-3, а в 10–15 раз, то именно это должно стоять во главе угла.

Незадолго до смерти Жореса Ивановича Алферова мне удалось с ним беседовать. Я задал ему вопрос о том, во что бы он вложил, имея 100 рублей на повышение национальной безопасности России. Он ответил не задумываясь: в совершенствование компьютерной элементной базы, потому что от 80 до 95 процентов возможностей современного оружия – это та элементная база, которая в нем есть. Более того, это возможность для механизации массы процессов. Это нужно как воздух! Жорес Иванович был нобелевским лауреатом с достаточно хорошими отношениями в верхах, но его тоже не услышали. Поэтому, на мой взгляд, сейчас очень многое определяется тем, удастся ли нам создать не новую промышленность, а ту, что нужна для нашей победы.

– **Прочитую Андрея Клепача. Он говорит: «ВЭБ.РФ уделяет особое внимание проектам, связанным с созданием принципиально новых прорывных видов продукции». О чем идет речь?**

– Это все крайне просто. Что имеет в виду Клепач, я не знаю, но несколько лет назад я работал с нашим фармацевтическим сектором. Есть список жизненно важных лекарственных средств. В нем было 523 средства. Как вы думаете, сколько из них производится в России?

– **Штук 50, может, 100.**

– Вы оптимист. Три штуки! Что означают жизненно важные лекарственные средства? То, что если их нет, то какие-то граждане страны будут гибнуть. Поэтому необходимо делать то, что действительно жизненно важно для наших людей. Более того, давайте посмотрим на стоимость обслуживания в частных клиниках, и все станет ясно. Поэтому совершенно очевидно, что если вы чего-то не производите, а поку-

паете за границей втридорога, то масса людей греют на этом ручки и кладет громадные средства себе в карман. На новой или старой базе, но нам надо это производить у себя.

Давайте посмотрим на военный конфликт, который мы сейчас ведем с НАТО на территории Украины. Как же так вышло, где наши системы управления? Почему в первые месяцы спецоперации вдруг выяснилось, что системы управления войсками НАТО гораздо эффективнее, чем то, что есть у нас? То есть мы оказались ровно в той же ситуации, в которой были во многих конфликтах. Это наши проблемы – разведка, связь, целеуказание. Более того, у нас говорят, что операторы связи разговаривают между собой на тувинском языке, которого не знают не только украинцы, но и их союзники. На той стороне нет соответствующих переводчиков. Но что это означает? Только одно – наши линии связи перехвачены и прослушиваются. Поэтому очевидно, что современные системы управления и связи совершенно необходимы.

– В связи с тем, что вы говорите, возникают два традиционных русских вопроса: кто виноват и что делать?

– Согласен с вами. Прежде всего вопрос о средствах, которые были направлены на создание, усовершенствование и поставку в войска всего этого. Где они? Но речь не только о деньгах. Как так получилось, что у нас сейчас гигантский дефицит командиров? Ведь я помню, как Высшая школа экономики говорила, что нам не надо иметь милитаризованное образование. Во многом благодаря инициативе ее руководства были закрыты военные кафедры в большинстве вузов России. Эти люди по крайней мере могли бы обращаться с военной техникой. У нас в очередной раз сработал предрассудок о том, что новое – значит хорошее. Это полный бред!

Давайте посмотрим, кто сейчас в мире производит мобильные телефоны. Финляндия, Нидерланды, Южная Корея, Сингапур, США, Китай. А мы-то где? Вдруг выясняется, что, когда Тайвань неожиданно решил не поставлять нам микросхемы, возникли большие проблемы. Сейчас надо говорить не о новой технике, не о новой экономике, а о том, чтобы решать те задачи, которые ставил Петр I. Помните, как он говорил, что нам надо научиться строить крепости, лить пушки, делать корабли, освоить навигационную науку, освоить бухгалтерию? Это займет десяток лет, а потом мы повернемся к Европе задом.

Во времена СССР Институтом прикладной математики руководил Мстислав Келдыш. Он говорил, что наука страны не может иметь много приоритетов. Только 1–2. Но это должны быть такие приоритеты, которые позволят вывести страну на более высокий уровень развития. Они должны быть поняты, признаны и руководством страны, и народом. В те времена он абсолютно точно определил, что такими приоритетами являются космический и атомный проекты. Благодаря им удалось создать ядерное оружие и средства его доставки. Именно это обеспечивает суверенитет новой России. Если бы этого не было, нас бы уже разорвали.

Какие нам сейчас необходимы приоритеты? Электроника того уровня, который сейчас есть в мире. Если лучше – отлично. Второй приоритет – это биология. Здесь происходит революция, прорыв, появляются совершенно новые возможности. Но в этом есть и огромные опасности, поскольку одна из самых незащищенных сфер – биологическое пространство. Когда вспыхнула пандемия COVID-19, об этом вспомнили. Поэтому, на мой взгляд, ключевые научные, инженерные и военные разработки должны быть в значительной степени ориентированы на эти две важнейшие сферы. Будь у нас сейчас, во время военного конфликта, развиты две важнейшие сферы, то была бы другая разведка, другая система управления, другая медицина, а следовательно, меньше погибших и инвалидов.

– У нас на протяжении 30 лет презентовали различные стратегии национального развития. Одна из последних разработана группой Алексея Кудрина, в которую входили эксперты из ВШЭ, РАНХиГС, МГУ и другие господа. Но сейчас многие из них разбежались, покинули Россию. Явно, что эта стратегия уже неактуальна. Кто должен создавать новую стратегию? Под какие цели и задачи?

– Началась спецоперация, и стало понятно, что вся эта имитация, вся эта либеральщина – глупость глупостью. Это всего лишь переписывание западных учебников, а иногда и под западным руководством. Это бред! Я в прошлом году выступал на конференции в ВШЭ, там прямо было сказано, что все научные исследования мы должны проводить то с одной страной, то с другой. То есть наука без другой страны просто не рассматривается. Куда же нам, сиволапым?!

Более того, давайте посмотрим на нынешние мегагранты. В рамках этой программы приезжает на 2-3 месяца какой-то зарубежный профессор, что-то здесь делает за большие деньги и уезжает. А вы, сиволапые, дальше барахтайтесь! Это называется низкопоклонством. Берем РАНХиГС, которым руководил Вла-

димир Мау. Академия общественных наук при ЦК КПСС готовила вторых и третьих секретарей обкома для того, чтобы они стали министрами. А сейчас она готовит офисный планктон, людей, которые будут занимать мелкие чиновничьи должности. То есть подготовка управленческой элиты развалена, а от либеральной болтовни никому сладко не было. То, что эти люди сбежали, – вполне естественно и хорошо.

Теперь о стратегии. Понятно, что те стратегии, которые они сочиняли, в нынешних условиях, мягко говоря, неактуальны для России. Передо мной стратегия развития цифровой экономики. В ней нет ничего об экономике и сфере производства. Это как морская свинка, которая и не морская, и не свинка. И такого бреда у нас более чем достаточно. Один чиновник сказал: «У нас сейчас каждый человек сидит и пишет стратегию». На мой взгляд, очень важны были бы две вещи. Первая – это непосредственно вложение усилий в то, чтобы мы смогли победить НАТО в войне, которая ведется на территории Украины. Это очень нелегкая задача, потому что, насколько я помню, ВВП стран, которые поддерживают Украину, в 38 раз больше, чем ВВП России. То есть это сложная, историческая, творческая задача. Эта задача не только экономическая, но и, я бы сказал, социально-психологическая. Это задача из области духа.

Вторая вещь: что дальше? Каким мир мы хотим видеть после этого? На мой взгляд, Россия, настаивая на традиционных ценностях, на том, что должны соблюдаться правила, основы которых были заложены на Ялтинской конференции, и выступая против глобального диктата США, могла бы сегодня занимать позицию лидера стран неприсоединения. Тем более в свое время мы оказали многим из этих стран неоценимую помощь в борьбе с колониализмом. Но главное даже не это. Главный аргумент должен быть таким: в России живется лучше, чем в других странах. Это очень сильный аргумент. Поэтому усилия необходимо направить именно на это. Мы не хотим никому ничего навязывать, но сами станем жить хорошо, долго и так, как мы хотим. Наша стратегия должна быть направлена именно на это. Но как это возможно, когда у нас доцент получает 25 тысяч рублей, а квадратный метр жилья в Москве стоит 250 тысяч?! Поэтому надо вспомнить послание президента от 2018 года, в котором он обозначил в качестве первой цели повышение качества жизни. И как же так получается, что по средней ожидаемой продолжительности жизни мы на 103-м месте в мире из более чем 180 стран, а по средней ожидаемой продолжительности жизни мужчин – на 125-м? А я вам скажу. За последние 20 лет была закрыта половина больниц России. Когда начался ковид, стало очевидным, насколько суровым оказалось это решение.

Поэтому, мне кажется, если мы говорим о большой машине, империи и всем прочем, то есть внешние и внутренние задачи. Так вот, Россия, к сожалению, на протяжении своей истории часто сосредотачивалась на внешних задачах. На мой взгляд, сейчас настало время сосредоточиться на внутренних, чтобы сделать жизнь своих людей лучше. Давайте посмотрим на чиновников высокого ранга через призму простых вопросов: вы работаете на Россию или на Запад, на то, чтобы возродить Россию или чтобы приспособиться? И в зависимости от ответов, наверное, надо менять тех, кто работает на Запад и, по его мнению, это правильно.

– С Западом более или менее разобрались. Теперь все вдруг подхватили лозунг поворота на Восток. Но тут как в свое время с евроремонтом: все хотят сделать, но толком не знают, что это такое. Какими должны быть неперенные атрибуты поворота на Восток? Каждый понимает и видит его по-своему. Мы у самого Востока спросили, нужны ли ему?

– Вы знаете, глупость всегда очень липкая. Вспомните горбачевщину. Первый президент СССР говорил: *«Больше социализма!»* Выяснилось, что больше социализма – это капитализм. Вспомните ельцинщину: *«Если цены повысятся, я лягу на рельсы!»* И что? Где Ельцин, где рельсы и где цены? И то, что мы были на Западе, а теперь будем на Востоке, – это, конечно, полная глупость.

– Почему?

– Надо понять, что на Западе, как и на Востоке, не добрые дядюшки. Россия является уникальной самодостаточной цивилизацией, во многих исторических поворотах она выстояла, поэтому и сейчас должна. Но вместо этого люди опять выбирают путь имитации. Тот же Китай – это другая цивилизация, которая из жалости, какой-то солидарности нас не будет поддерживать. Если Китай раньше считал нас старшим братом, то сейчас считает младшей сестрой. Я прекрасно понимаю, что политики должны улыбаться и пожимать руки, говорить, что они лучшие друзья. Вспомните, как красиво все выглядело с Минскими соглашениями. А потом выяснилось – они ввали. И как на этом фоне теперь выглядят те люди, которые принимали все это за чистую монету?

Поэтому ситуация очень проста. Никаких научных определений здесь нет и быть не должно. Давайте будем честны: мы не определяем правила игры, в которой участвуем. Кто сейчас является ведущими игроками на мировой арене? Назовем их сверхцивилизациями, чье население – свыше 400 миллионов человек, а валовой внутренний продукт превышает 20 триллионов долларов в год. Кто к ним относится? Китай, США с их провинциями – Канадой и Мексикой, а третий игрок – это Европа, хотя ей не хватает субъектности. Игра идет между ними. Это я бы назвал высшей лигой. Россия пока в высшую лигу не входит. Даже если у нас состоится Евразийский союз, будет 250 миллионов, то этого мало. Слабая экономика и четверть миллиарда – это мало. Поэтому действительно от нас ждут ответа, чего мы хотим построить. Тогда у нас могут быть стратегические союзники. Например, Индия или несколько стран Латинской Америки. Пока же до этого момента мы находимся в первой лиге.

Давайте посмотрим, что же происходит в высшей лиге. Ситуация там напоминает известный китайский роман «Троецарствие», повествующий о том, как на территории современного Китая в IV веке, насколько я помню, существовало три царства, каждое из них хотело сожрать два других и стать единым властителем. Сейчас происходит то же самое. Китай со своим стратегическим проектом «Один пояс, один путь». Его осуществление резко усиливает Пекин и Европу. Соответственно, Америка остается не у дел. США это, конечно, не устроило, поэтому они решили этот путь разрушить. Как? Очень просто – создать и поддерживать постоянный военный конфликт на этих территориях. Чем дольше и кровопролитнее он окажется, тем лучше. Наш конфликт с НАТО на территории Украины – это именно то, что нужно для осуществления планов США. В результате этого Европа ослабляется, китайский проект становится неосуществимым.

– **Что нам делать в этой ситуации?**

– Прежде всего, для себя надо понять, что каждой из цивилизаций Россия совершенно не дорога. На этот счет ни у кого не должно быть никаких иллюзий. Она дорога либо исключительно как источник ресурсов, либо как инструмент, который позволяет, сохраняя ее, не давать ресурсы другим игрокам. Поэтому опираться нужно исключительно на себя. Не на Запад или Восток, а на себя! Все остальное – это тяжелая игра дипломатов. Более того, любая торговля, на мой взгляд, сейчас работает нам в минус. Должен быть по крайней мере паритет: сколько мы вывозим, столько и ввозим. И главный вопрос: мы сами не умеем делать то, что ввозим? Детские игрушки не можем делать? Разучились делать гвозди, гаечные ключи, шить одежду? Поэтому, для того чтобы встать на ноги, надо бороться с ленью, глупостью и коррупцией. Не будем забывать еще одну очень серьезную вещь. Когда инженер в институте получает 15 тысяч рублей, а ректор – 40 миллионов, то они живут в разных мирах и разных измерениях. Они друг друга не понимают. Это очень серьезно, потому что мы либо в одной лодке, либо нет.

Резюмируя все вышесказанное, замечу, что военный конфликт – очень серьезный экзамен для страны. Он может ее развалить, а может помочь собрать. Я очень надеюсь на второе.

Беседовал **Вадим Бондарь**